

РЕЦЕНЗИИ

ЛЕОНИД СЕМЕНОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ. ПРОЗА

СОСТАВЛЕНИЕ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ, СТАТЬЯ,

ПРИМЕЧАНИЯ В.С. БАЕВСКОГО

СЕРИЯ “ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ”. М.: НАУКА, 2007. 578 с.

Серия “Литературные памятники” пополнилась долгожданным томом сочинений Леонида Семенова. Ожидание длилось сто два года: первая и единственная прижизненная книга Семенова “Собрание стихотворений” вышла в 1905 г., и вот в 2007 г. увидела свет его вторая книга – полное собрание сочинений. За это время с творчеством Семенова соприкоснулись несколько замечательных людей, которые отдали все свои силы (и это не преувеличение!) для того, чтобы произведения незаурядного человека и поэта стали известны современным читателям. Сразу после трагической гибели Семенова его дядя А.П. Семенов-Тянь-Шанский задумал издать его сочинения, начал собирать материалы, написал биографический очерк, но осуществить замысел не удалось. В 70-х гг. прошлого века публикацией текстов Семенова занялась З.Г. Минц, но цензурные запреты, а затем и смерть помешали ей довести дело до конца. В Париже над подготовкой собрания сочинений Семенова трудился о. Александр Зилонский, младший брат поэта, епископ русской православной церкви во Франции, но и ему не суждено было увидеть свой труд завершенным. Также не увенчались изданием усилия о. Александра Шмемана, продолжившего работу по подготовке собрания сочинений Семенова. После его смерти часть собранных материалов была передана В.С. Баевскому, многолетним усилиям которого мы и обязаны появлением наиболее полного на сегодняшний день собрания сочинений Леонида Семенова.

Тексты Семенова, архивные материалы и переписка, статья о нем и научные комментарии – общепринятая для подобных изданий композиция, не сулящая, казалось бы, ничего неожиданного. Однако каким-то удивительным образом (отдадим должное мастерству составителя тома) традиционный набор разделов превращен в единый текст – “роман о Леониде Семенове”.

Первая глава этого романа, сложившегося подспудно, но далеко не случайно, повествует о юности героя. Мечты о Софии и страсти, творческие устремления, размышления о судьбах Родины – внутренний мир думающего и тонко чувствующего молодого человека открывается на страницах “Собрания стихотворений”, как уже было

сказано, единственной прижизненной книги Леонида Семенова. В книге – 75 стихотворений, написанных в 1901–1905 гг. Многие здесь по-юношески нетвердо, подражательно или “всеобще-декадентски”, но прорываются порой ясные и сильные строки, свидетельствующие о несомненном даровании. Такова “Свеча”:

Кем, зачем мне она вручена?
Я не знаю, пред тайной робею...
Но не мною свеча зажжена,
и свечи загасить я не смею... (с. 10)

И мудрое не по годам “Я – человек”:

Я – человек, я здесь прохожий,
не мной отмерен мой урок,
но верный вечной воле Божьей
от мыслей выпранных далек.

И так молюсь: “Дай и в морщинах
мне, Боже, сеять, жать, пахать,
любить без мысли мир в долинах
и землю потом прославлять!” (с. 48)

И безудержное “Священные кони несутся...”:

Как моря взволнованный ропот,
Несется их ржанье с полей.
Всё ближе, всё ближе их топот
И фыркание гордых ноздрей!

Спасайся, кто может и хочет!
Но свят, кто в пути устоит:
Он алою кровью омочит
Священную пыль от копыт! (с. 53)

Те, кто сквозь стихи о “подруге обновленной”, о “тайне блаженства”, о “душистой акации” слышали истинные звуки поэтического голоса Семенова, – откликнулись. На “Собрание стихотворений” появились рецензии А. Блока, В. Брюсова, А. Измайлова, В. Гофмана. Строгие критики хвалят – кто больше, кто меньше, – но промолчать никто из них не смог и не захотел.

Следующий раздел тома «Стихотворения, не вошедшие в “Собрание стихотворений”» – и пе-

ред нами новая жизненная глава. Если ранние стихотворения, не включенные Семеновым в “Собрание”, мало что добавляют к сложившемуся образу, то стихи, написанные позже, свидетельствуют о пережитых испытаниях (“Тюремные песенки”), показывают, как за несколько прошедших лет изменились эстетические вкусы автора, как очевиден постепенный отход от декадентского строя мыслей, слов и чувств. Появляются сложные тексты, построенные на сочетании стихов и прозы; удлиненные, тяжелые строки соседствуют с короткими и сверхкороткими. Вот один из 20 фрагментов лирической поэмы “Свобода”:

Всё игра,
Кто начал мыслить и живет по мыслям,
Тот уже не свободен,
Им владеет ход его мыслей, –
Логика.
Но разве логика это он?
Другой изобрел себе дело
И дело владеет им.
Но разве дело это он?
Он как пылинка в потоке вещей,
И несет его дело
Борьбой, самолюбием и другими заботами.
Но все это разве он?
Я ишу себя самого настоящего. (с. 74)

Но, пожалуй, главное – в другом. Стихи, написанные после 1905 года, запечатлели поразительные изменения в мировоззрении автора: пробудившийся интерес к идеям Франциска Ассизского: *Я молюсь лучам и солнцу, / Я их брат родной. / Солнце, солнце / Подойди к тюрьме, к оконцу, / Солнце, брат мой золотой* (“Тюремные песенки”, с. 69); сомнения в милосердии Божьем: *Возвращается мальчик от Боженки / Возвращается мальчик без хлеба. / Устали голодные ноженьки, / Обегали ножки все небо. // Нет хлеба у Бога, / Спи, мой родименький...* (“Спи, мой родименький!”, с. 65); неприязнь к церкви: *Снились нынче мне попы, / Бородатые, седые / Жирно-масленные, злые / В смраде сдавленной толпы* (“Обедня”, с. 64) или: *А этот белый волдырь – / Монастырь, – / Сколько в нем гноя, и лжи, и паденья, и грязи* (“Свобода”, с. 77). И все же мучительные метания неизменно сопряжены со стремлением во чтобы то ни стало сохранить веру: *Но мужа дивного целительной десницы / Прикосновеньем вдруг мой открылся дух – / И, внемя, видит рай в стенах моей темницы* (“Терцины”, с. 61).

Намеченную коллизию – душа на перепутье – продолжает раздел “Проза”. Прозаическое наследие Семенова, рассыпанное по журналам и альманахам начала XX века, впервые представлено столь разнообразно и полно: драма, театральная рецензия, рассказы, очерки и статьи. Симп-

том непреодоленного кризиса – тема смерти – черной нитью вьется из одного произведения в другое: непонятная детям смерть папы и мамы в драме “Около тайны”, смерть Чехова и Ницше (“*Vae victis*”), несколько историй убийств и трагичная в своей несвоевременности смерть возлюбленной в “Проклятии”, опять – “О смерти Чехова”, и “Смертная казнь” и еще, и еще... Но именно здесь, в самой “темной” главе “романа одной жизни” яркой звездой выстраданного знания загорается найденная цель, указуя дальнейший жизненный путь. Об обретенной цели и избранном отныне пути пишет Леонид Семенов в записках “Грешный грешным”. Этому произведению по праву принадлежит центральное место не только в разделе “Проза”, но и во всем творчестве Семенова. Здесь нет четкой фабулы, отрывочные факты внешней биографии (порой творчески переосмысленные или домысленные), беглые зарисовки быта и людей, а за всем этим – точнее, над всем этим – история души, прошедшей горнило сомнений и постигшей истину: *В какое страшное время мы живем. Где прибежище? Где покой? Что бы сделали мы без веры? Господь наше упование, Господь наше прибежище. Господь, помоги нам.* И далее: <...> *я никогда не перестану радоваться, что я стал православным, что я – познал истинную Твою Церковь, что я познал Истинный путь Твой и за это славить свято Всевсвятое и Трисвятное Имя Твое* (с. 333, 341).

Многое может сказать о человеке круг его общения. Представление о Леониде Семенове, сложившееся в процессе чтения его стихов и прозы, становится еще более объемным, обретает даже некую величественность благодаря тому, что в раздел “Проза” включены все сохранившиеся письма его ко Льву Толстому (письма Толстого к Семенову опубликованы ранее в Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого и в других собраниях его сочинений). В диалоге с величайшим человеком эпохи раскрываются новые грани личности Семенова¹. Вряд ли кого-то удивит, что на определенном жизненном этапе Семенов пережил увлечение идеями Толстого, но для многих неожиданным окажется ощутимая в письмах сила влияния, оказываемого Семеновым на Толстого. Признанный и почитаемый писатель нелегко принимал от своего младшего современника наставления и обращение на “ты”: “*Мир тебе, дорогой брат*”, но высоко ценил его духовные поиски, верность выбранному пути, готовность к лишениям.

¹ Воздадим должное Вячеславу Александровичу Сапогову – тому, кто первым начал изучать эту важнейшую тему. См. его статью: Лев Толстой и Леонид Семенов (об одном корреспонденте Л.Н. Толстого) // Учен. Зап. Ярославского гос. пед. ин-та и Костромского гос. пед. ин-та. Вып. 20. Филол. сер. Кострома, 1970.

Если переписка позволяет взглянуть на личность Семенова в сопоставлении с большими величинами, то раздел “Дополнения” задает иную, но не менее значимую систему координат – семейно-домашнюю. В раздел вошли две никогда ранее не публиковавшиеся повести – “Детство” и “Жажда” (фрагменты), написанные братом Леонида Семенова – Михаилом Дмитриевичем. В образах братьев Нивиных легко просматриваются прототипы – братья Семеновы, и с пристальным вниманием мы всматриваемся в образ Алексея, узнавая в нем черты и поступки Леонида. Игры во львов, пряники из няниного сундука, приезд бабушки, первые рисунки, лето в деревне – светлый мир бесхитростных детских радостей и печалей, воссозданный в первой повести, сменяется рассказом о любви Алексея, о его участии в революционной деятельности и постигшем разочаровании, о посещении Оптиной пустыни и уходе на жительство в деревню. Слово со стороны, в художественной дымке, опоэтизировано, вновь проходит перед глазами жизнь человека, несомненно напоминающего Леонида Семенова.

На этом, казалось бы, можно и завершить рассказ о романе одной жизни, который непроизвольно сложился в рамках рецензируемого тома, поскольку в томе остался лишь последний раздел, несомненно, служебный, прикладной – “Приложения”. Но нет. Открывающая раздел статья Баевского – не приложение, а продолжение, необходимая составляющая текста этого романа. Столетняя эпическая дистанция, отдаляющая нас от Леонида Семенова и его времени, затушевывает детали, притупляет непосредственность чувств, но определяющее в личности, самое значительное, крупное – выделяется отчетливо, проступает рельефно. И это определяющее Баевский выносит в название своей статьи – “Жизнестроитель и поэт”. Читателю представлен не просто обзор творческого пути, набор историко-литературных фактов и анализ произведений. Именно здесь, в статье Баевского, завершается создание образа, который складывался на наших глазах при чтении стихов и прозы Семенова, его писем и воспоминаний о нем.

Леонид Семенов – настоящий поэт, главным творческим достижением которого стала его собственная жизнь. Баевский написал об этом так: «Ахматова назвала Блока человеком-эпохой. По-своему человеком-эпохой был и Семенов. Если у Блока боли его времени преломились в творчестве, прежде всего в его трагической лирике, то Семенов отразил свое драматическое время в своем жизнестроении. Недаром В. Пяст назвал его “человек-судьба”» (с. 495).

В добавление к сказанному о Леониде Семенове и его сочинениях, хочется поделиться еще од-

ним впечатлением, полученным при знакомстве с рецензируемым томом: к читателю пришло издание высокой научной культуры.

Каждое произведение Семенова сопровождается необходимыми примечаниями, некоторые из которых представляют собой законченные литературоведческие эссе в миниатюре (см., например, примечание к “Свече” – единственному стихотворению, которое, по воспоминаниям близких, Семенов продолжал любить в разные периоды своей жизни; примечание к “Свиданию”, где не только перечислены приемы, использованные поэтом при создании данного текста, но и отмечены далеко не очевидные связи с творчеством ранней Ахматовой) или более развернутые заметки (например, об особенностях лексики, орфографии и пунктуации “Грешный грешным”, свидетельствующих о разрыве Семенова с традициями образованной части общества).

Заинтересованный читатель не пройдет мимо представленной в разделе “Примечания” хронологической канвы жизни Леонида Семенова, собранной Баевским буквально по крупицам. Полезность подобной реконструкции, позволяющей отметить не только основные вехи жизненного пути Семенова, но и некоторые мельчайшие штрихи, трудно переоценить.

Также трудно переоценить, насколько облегчают работу с томом указатели, составленные И.В. Романовой: указатель произведений Леонида Семенова и аннотированный указатель имен (наряду с именами Блока, Маяковского, Оригена, Распутина и др., сюда включены имена, принадлежащие людям, узнать о которых у читателя нет никакой возможности, например, случайные знакомые Семенова, его многочисленные родственники, крестьяне, священники²).

Можно с уверенностью сказать, что колоссальные усилия, вложенные в то, чтобы собрать и прокомментировать произведения Семенова, его письма, воспоминания о нем, чтобы подготовить информативный и продуманный научный аппарат и, наконец, чтобы воскресить для современного читателя “жизнестроителя и поэта” Леонида Семенова – без всяких сомнений, заслужат искреннюю благодарность всех, кому посчастливится работать с этим изданием.

Л.В. Павлова

² Огромную помощь в установлении этих сведений оказал Михаил Арсеньевич Семенов-Тянь-Шанский, доктор физико-математических наук, хранитель материалов и исследователь истории семьи Семеновых-Тянь-Шанских.